

О некоторых характерных чертах лирической деревенской прозы

О лирической деревенской прозе (некоторые исследователи называли ее ностальгической) в современной критике существуют разные, зачастую противоположные мнения. Обвинения в социальной пассивности легко уживаются в критике с мнением, что эта проза «полностью связана с современностью, опирается на нее, черпает в ней свое вдохновение» [15, с. 620]. Упреки в том, что «обращенность «деревенской прозы» назад, в прошлое, все явственнее начинает ощущаться как односторонность и ограниченность» [14, с. 174], сочетаются с похвалами привязанности к вечным ценностям, а утверждение «слишком ясен и четок и тверд круг приемов и образов: слишком просматривается дно» [5, с. 242] — с утверждениями, что деревенская проза «озонировала литературную атмосферу» 60—70-х годов [8, с. 6]. Чрезмерные восторги и неумеренный обличительный пафос в критике о деревенской прозе так и остались необъясненными в своем поразительном сочетании. Наверное, что-то мешало оценить явление не только изнутри (здесь было много сделано), но и со стороны. Новое явление, как это часто случается с критикой, оценивалось в рамках уже сформированных представлений о литературе.

Нужно также помнить о том, что «идеология и психология застоя отразились и на состоянии сферы культуры, литературы и искусства» [2, с. 12]. Забывалось главное: каждое значительное явление в литературе — это проявленная «общественная потребность осмыслить время, в особенности время переломное», правда о котором — «в свершениях народа и противоречиях развития общества, в героизме и повседневности трудовых будней, в победах и неудачах...» [1, с. 90].

Поэтому оценивать деревенскую прозу, на наш взгляд, надо начинать с анализа конфликта. Художественный конфликт — это своего рода линия стыка литературы и жизни, именно он проявляет степень осмысления основных противоречий эпохи.

Литература о деревне в послевоенное время делится на несколько периодов. Сразу после войны появилось множество так называемых бесконфликтных произведений, сглаживающих реальные трудности развития, лакирующих действительность. Преодоление этих недостатков началось с книги В. Овечкина «Районные будни», в которой столкнулись в острой, непримиримой борьбе два типа руководителей — Борзов и Мартынов. Книга была столь злободневной с точки зрения как литературных, так и жизненных потребностей, что создала на несколько лет некое силовое поле, воздействующее на многих писателей, интересующихся темой деревни. Период в литературе с середины 50-х до середины 60-х годов получил даже наиме-

нование «овечкинский». Противостояние Борзов — Мартынов так пришлось по душе писателям, что трудно найти в эти годы произведение, где бы по-разному не варьировался конфликт между двумя типами руководителей.

В 60-е годы на селе начались новые процессы. Отставание сельского хозяйства стало катастрофическим из-за усиленной миграции населения из села в город. На глазах стал изменяться коренным образом уклад крестьянской жизни. Как и всякая ломка, процесс оказался болезненным, сложным, не без издержек. Этот жизненный материал вызвал интерес у писателей. Но одни пошли по накатанному пути, уложили эти проблемы в знакомое противостояние двух типов руководителей, другие начали осваивать новый художественный конфликт. В 60-е годы многие почувствовали исчерпанность конфликта, открытого Овечкиным, — он не выражал основных противоречий времени. Если противостояние Борзова и Мартынова не казалось упрощением жизни, потому что в 50-е годы признание методов руководства Мартынова было вопросом существенным, то в 60-е годы, когда на первый план жизнь выдвинула другое противоречие, конфликт превратился в схему.

Теоретики литературы отмечают, что в современной прозе конфликт видоизменился [11; 12]. Он стал «более утонченным и разветвленным, труднее «снимаемым» с «поверхности, художественно более убедительным» [12, с. 147]. Начался этот процесс в литературе с явления, которое называют лирической деревенской прозой.

Конфликт между типами руководителей так часто повторялся в произведениях на тему деревни, что неизбежно должны были появиться сюжеты, в той или иной мере пародирующие конфликт. К такому можно отнести сюжет повести Б. Можаяева «Живой». В повести, на первый взгляд, налицо все атрибуты прозы «овечкинцев», однако ее относят к произведениям, которые представляют собой один из смыслообразующих центров того замечательного в отечественной литературе явления, которое именуется «деревенской прозой» [4].

Конфликт повести «снимается» достаточно легко: крестьянин Кузькин Федор Фомич по прозвищу «Живой» борется с начальством местного и районного масштаба. Здесь традиционная лестница методов управления, которую образуют бригадир Пашка Воронин, председатель колхоза Гузенков, секретарь райкома Мотяков и другие руководители разного масштаба. Все они завязят друг от друга и выступают против Кузькина «единым фронтом». Образы руководителей нарочито шаржированны, подчеркнута отрицательность. Девиз их руководства — «Обломаем рога... раз и навсегда» (выражение Мотякова). Сила и власть в руках Гузенкова и Мотякова. В реальной жизни им действительно ничего не стоило обломать рога такому, как Кузькин. Но все перипетии повести заключаются в том, что простой крестьянин во всех столкновениях оказывается победителем. Решение конфликта сознательно облег-

чено, автор намеренно создает героя в облике неунывающего лукавого победителя, который поднимается на недостижимую для мотяковых высоту. Кузькин (Живой!) вырастает до символического представителя крестьян в их главной сути — живучести и неистребимости, несмотря на многочисленные превратности судьбы. Повесть наполнена пословицами, поговорками, другими прозаическими жанрами народного творчества (это чаще всего вложено в уста главного героя), приобретает некую притчеобразность и приближается к произведениям фольклора, где заданность развития конфликта является формулой народного мировоззрения, изображающего подчеркнуто противоположное тому, что было в действительности. Облегчив разрешение конфликта, сосредоточив на этом внимание, Б. Можяев, с одной стороны, пародирует уже затертый конфликт, с другой — пытается поднять совершенно другие проблемы. Осмеивая знакомый конфликт, Можяев тем самым выходит на более общее противостояние: между исконной народной нравственностью и всем тем, что противостояло ей во времени, пытаясь подчинить ее или растворить в другой нравственности. Повесть Б. Можяева «Живой» — это шаг к новому конфликту. Рассмотреть своеобразие этого конфликта можно на примере многих произведений, но мы вспомним наиболее характерные для деревенской прозы.

Повесть В. Белова «Привычное дело» — одно из первых и самых ярких явлений лирической деревенской прозы. Как и в «Живом», мы видим здесь знакомый набор проблем «овечкинско» периода. Во многих местах повести Белов — беспощадный реалист. Но проблемы, уже знакомые читателю, рисуются под каким-то другим углом зрения. В центре повести простая крестьянская семья, ее жизнь, судьба. «Не часто встретишь в литературе народные характеры, которые равны были бы Ивану Африкановичу и его жене Катерине по глубине и масштабам человеческой духовности», — писал о героях «Привычного дела» Ф. Кузнецов [8, с. 24]. С таким определением качеств и утвердились в критике герои В. Белова. И все же очень мало найдется критиков, которые, соглашаясь с общей оценкой, не сделали бы оговорку: у героев повести «отсутствует одно из главных качеств человека — его подвластность времени, неизбежная зависимость от него» [6, с. 259]; «Иван Африканович воспринимает как «дело привычное» и заросшую сорняком кукурузу, и запрет на лесную косьбу. Его пассивность распространяется и на общественные отношения, даром что он — депутат сельсовета, фронтовик, прошедший до Берлина» [15, с. 498—499]. Многим критикам хотелось бы, чтоб герои Белова были «позлее и понеуступчивее» [16, с. 193]. Однако, сделав такую оговорку, которая, по своей сути, превращает героев в загадку (пассивность и высокая духовность?!), критики оставляют героев в том виде, в котором их предложил писатель: ограничиваются констатацией черт, не пытаясь разобраться в их странном сочетании.

В повести налицо семейные отношения патриархального уклада в довольно неприглядном их виде: жена, теряя силы, тянет громадный воз домашнего хозяйства, а муж философствует, в работе ограничиваясь минимумом, не унижающим мужского достоинства. Иван Африканович фактически виновен в смерти жены: уехав в город в разгар сенокоса, он вынуждает Катерину, еще не оправившуюся после очередных родов, делать тяжелую мужскую работу. Однако писатель рисует Катерину покорной и безропотной вовсе не с целью призвать ее возмутиться или восстать. И не старается обличить Ивана Африкановича в его многочисленных недостатках. И Катерина, и Иван Африканович — это, в глазах автора, люди прежде всего душевно чистые, искренние, духовно богатые, несмотря на незамысловатость их рассуждений. Как удастся автору на такой сюжетной основе показать высокую духовность героев? Дело в том, что они глубоко чувствуют. Трогательно нежны с начала и до конца интимные отношения Ивана Африкановича и Катерины. Доброта господствует в их отношениях с окружающими. Они тонко чувствуют природу, красоту мира. Если попытаться сформулировать доминирующее чувство героев в их отношениях с действительностью, то это будет, пожалуй, умиротворенность. Беды и несчастья, которые заставляют героев напрягать физические силы, не ослабляют в них духовности, не заслоняют их видения прекрасного в жизни. В самые трудные моменты, когда впору руки опустить от отчаяния, Иван Африканович и Катерина не вспыхивают гневом, не обрушиваются с обвинительными речами на виновников своих несчастий. У них какая-то удивительно жизнестойкая, непоколебимая основа. Сначала кажется, что она заключается в семейных отношениях, навечно отлаженных. Но если копнуть глубже, то основа в другом. Отношения в семье — лишь ее проявление. Мы понимаем это в конце повести, сопровождая Ивана Африкановича в его несколькодневных блужданиях по лесам. Природа не только вылечила его от отчаяния, но и помогла вновь обрести твердую почву под ногами.

Основа духовного богатства героев — в естественности их жизни. Они максимально близки к природе и живут по тем же законам, по которым существует все живое.

Финал повести трагический. Какие же конфликтные линии приводят к нему? Если попытаться объяснить гибель героини ее столкновением с тяжелой жизнью, то пафос повести — в обличении тех обстоятельств, которые повинны в смерти положительного героя. Так ли это? Конечно, жизнь, которой живут колхозники, отрицается Беловым. Но герои, поставленные в трудные обстоятельства, не мучаются. Такое их миропонимание, они такие, трудности не могут сделать их другими. Сколь естественно было бы, если бы они стали, подобно Егору Дымшакову из романа Е. Мальцева «Войди в каждый дом», страстными обличителями, борцами за справедливость! Но тогда произошло бы то, чего не желает автор: герои стали бы

совсем другими. По воле автора они должны остаться такими, какими есть. Их пассивность — это, как ни парадоксально, условие их высокой духовности. Только подчиняясь ходу событий, они живут жизнью естественной и органичной. Этой жизнью жил крестьянин испокон веков. Все лучшее в его нравственности, в его духовном мире определялось его отношениями с природой, с землей, которая источник всего — и насущного, и духовного.

Новая (по сравнению с извечной) жизнь вынуждает героев уйти от тех естественных отношений с миром, которые складывались веками. И если бы они подчинились этому, не случилось бы трагедии в их жизни. Будь Иван Африканович похитрее и поизворотливее, нашел бы он средства к существованию, как находили другие. Будь Катерина менее покорной, не стала бы она надрываться, умирать на работе. Трагедия происходит от несовместимости психологии и нравственности крестьянина старого уклада с обстоятельствами новой жизни. Сделав героев положительными, автор безоговорочно стал на их сторону в этом противостоянии.

Традиционно сталкивающиеся стороны старого и нового поменялись знаками плюс и минус. Настоящее обрело минус, прошлое — плюс. Белов пристрастен. С социальной точки зрения, он, вероятно, не прав, но художественно убедителен. Писатель не оставляет нас равнодушными, предлагая задуматься над психологией и нравственностью современного крестьянина, который все дальше уходит от природы, от земли и вместе с этим утрачивает самые необходимые человеку качества: доброту и духовность, превращается в бездумного накопителя.

Одновременно с Беловым страстный разговор о проблемах деревни, ее прошлом, настоящем и будущем повели Е. Носов, С. Крутилин, Ю. Сбитнев, В. Распутин и др. Во многих произведениях противостояние прошлого настоящему рождает особую систему образов, по которой угадываются прежде всего произведения лирической деревенской прозы. С самого начала критики отмечали большое количество стариков и старух в произведениях «деревенщиков». Критика сетовала на это явление, так как очень часто возникал один и тот же сюжет: отношения с неблагоприятными детьми, которые обрекают стариков на одинокую, мучительную старость. Внутренний противовес (герои не борются): на одном полюсе — старики, положительные и очень несчастные, на другом — дети, благополучные, но безнравственные, формируют конфликтную основу множества рассказов и повестей. Но совсем по-другому решается проблема одиноких деревенских стариков у С. Воронина. Такие его рассказы, как «Родительский дом», «Петров день в Кузелеве», где речь идет об опустении малых деревень, наполнены оптимистическим звучанием. Два поколения не противопоставлены друг другу. В них нет конфликта, характерного для лирической деревенской прозы. Это приближает

рассказы к действительности, но проблема все же решается поверхностно, декларативно.

Круг героев лирической деревенской прозы ограничен. Естественно, что именно среди стариков и старух ищут писатели носителей положительных ценностей: это одна из граней философии, когда все лучшее относится к прошлому. Кроме того, любимыми героями «деревенщиков» становятся чаще всего «чудики», резко выделяющиеся из той среды, которая является современной жизнью села: дети, возрастом которых определяется эмпирическое восприятие мира: женщины, которые, подобно Катерине В. Белова, ведут традиционный для деревни образ жизни. Такие герои чаще всего одиноки, несчастны, обижены, противопоставлены многочисленным отрицательным типам. В произведениях такого рода положительные персонажи никогда не торжествуют над отрицательными, отсюда — грустные нотки, пронизывающие деревенскую прозу.

В рассказе Е. Носова «И уплывают пароходы, и остаются берега» все нравственные ценности — в прошлом. Положительность главного героя — тоже в прошлом. В прошлом его гармония с природой. Отойдя от прежней жизни, Савоня становится жалким, никчемным, юродствующим стариком, служащим на побегушках у приезжих туристов. Писатель жалеет Савоню, потому что не его винит в том, что он изменил образ жизни. Савоня — «последний из могикан», он не смог пережить глухого, беспробудного одиночества, бесцельности этого одиночества. Автор безжалостен ко всем представителям новой жизни на Онеге, особенно к «культурным» людям, которые едут сюда будто бы за духовными ценностями. В рассказе, густо населенном действующими лицами, нет ни одного положительного героя. Противостоит всем отрицательным типам лишь утраченная положительность Савони. Савоня — тот же Иван Африканович, не устоявший под напором времени. Насколько значителем он в прошлом, настолько жалок в настоящем.

В повести С. Крутилина «Старая скворечня» происходит разрушение крестьянской семьи. Егор и его жена Дарья — люди старого уклада, живут многотрудной жизнью, но в согласии с природой, не теряя высокой человеческой сути. Их связь с природой подчеркивает параллельный сюжет: жизнь старого скворца в саду Егора. Дети Егора, в противовес его чаяниям, стали потребителями всего легкодоступного. Они посмеиваются над отцом, считая его привязанность к земле, нелегкому крестьянскому труду нелепым чудачеством. Этот труд, по мнению сыновей, бесполезен — можно жить легче и лучше. Они, например, вполне прилично устроились в городе, хотя нужды в их работе город явно не ощущает. По натуре сыновья вроде бы беззлые, но почему-то боится их старый скворец, так сильно сдружившийся с Егором. Страх оправдался: перед окончательным уходом из отцовского дома сыновья уничтожают старую скворечню. Этот поступок словно

отрезает их пути назад. Сыновья Егора утратили корни, ушли от земли в поисках легкой жизни, потеряли духовные и нравственные ценности.

Своеобразие конфликта лирической деревенской прозы рождает особую систему художественных средств. Роман В. Фоменко «Память земли» и повесть В. Распутина «Прощание с Матерой» посвящены теме затопления деревень во время строительства канала или ГЭС. Написанный в 60-е годы, роман В. Фоменко сформировался на основе конфликта между двумя типами руководителей. Если бы не карьеризм, бездушные и волюнтаризм некоторых начальников, переселение прошло бы вполне благополучно. Но и борьба руководителей, конечно же, заканчивается победой лучших из них. Поэтому финал в романе мажорный — переселенцы с энтузиазмом начинают новую жизнь. По форме традиционный, роман имеет много сюжетных линий, опирается на скрупулезную повествовательность. Но конфликт упрощает решение многих чрезвычайно сложных проблем, превращая произведение в «парадное многописание».

В центре повести В. Распутина — старуха Дарья, для которой затопление родной Матеры — конец всего, чем она жила, что определяло смысл ее жизни. Добрая и мудрая старуха обречена на одиночество и гибель. Она не смогла покинуть деревню из-за твердой уверенности, что ей нет места в какой-либо другой жизни. Если Фоменко полностью оправдывает затопление и озабочен лишь устранением препятствий на его пути, то Распутин заставляет задуматься не только о целесообразности переселения (не теряем ли больше, нежели приобретаем?), но и о тех нравственных ценностях, которые определяют стиль новой жизни и вытесняют из нее прекрасную по человеческим качествам старуху Дарью. Писатель стал на стороне героини, вроде бы противостоящей становлению нового. Стал потому, что каждому человеку необходимо осознать величину потерь и не утратить в обретении нового то, без чего невозможно жить дальше. Повесть отличается от романа общей трагической тональностью, сюжетом, образами, расстановкой этих образов. Олицетворенным действующим лицом становится природа. Это придает повести особый лиризм, емкую метафоричность, философскую глубину.

Таким образом, противостояние отрицательного настоящего и положительного прошлого и есть тот конфликт, который лег в основу лирической деревенской прозы. Именно его своеобразием объясняется спорность оценок этого явления. Отрицание настоящего вызывало сопротивление, высокая художественность — восхищение. Необходимо осознать, что отрицание настоящего и художественность в лирической деревенской прозе — понятия неразрывные.

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 2. Материалы Пленума ЦК КПСС, 27—28 янв. 1987 г. М., 1987. 3. Белов В. Повести и рассказы. М., 1980. 4. Вильчек Л. Вот моя

деревня... Штрихи к портрету Б. Можяева // Лит. газета. 1981. 20 мая. 5. *Гусев В.* В предчувствии нового. М., 1974. 6. *Клепикова Е.* От быта к эпосу // Современник: Сб. статей. М., 1983. 7. *Крутилин С.* За косогором. Повести. М., 1971. 8. *Кузнецов Ф.* Самая кровная связь. Судьбы деревни в современной литературе. М., 1977. 9. *Можяев Б.* Живой. Повести и рассказы. М., 1984. 10. *Носов Е.* Шумит луговая овсяница. Рассказы. М., 1979. 11. *Перцовский В.* Покоряясь течению: о своеобразии конфликта в современной прозе // Вопр. лит. 1979. № 4. 12. *Погрибный А.* Художественный конфликт и развитие современной советской прозы. К., 1981. 13. *Распутин В.* Повести. М., 1981. 14. *Старикова Е.* Социологический аспект современной «деревенской прозы» // Лит. и современность. 1973. № 12. 15. *Сурганов В.* Человек на земле. Тема деревни в русской советской прозе 50—70-х годов. М., 1981. 16. *Турков А.* «Внешнее» и «внутреннее» (О Василии Белове) // Турков А. Открытое время. М., 1975. 17. *Фоменко В.* Память земли: Роман. М., 1978.

Статья поступила в редколлегию 08.05.86
